

Андрей БАБУШКИН:

«ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ ПОСТРОИТ СРЕДНИЙ КЛАСС»

Региональная общественная правозащитная организация «Комитет за гражданские права» находится в небольшой пристройке обычного девятиэтажного дома возле станции метро «Медведково». Представьте себе, дальняя московская окраина. Последняя остановка метро. Девятый час вечера. Пятница. Погода — сплошная слякоть. Снег с дождем при пронизывающем ветре. По тропинке между катком и гаражами почти сплошным потоком идут люди. Спрашиваю: «Где здесь принимают правозащитники?».

Мне показывают — идите, как все. И я пошла. И вскоре поняла, что одним со мной маршрутом действительно двигаются и многие другие прохожие. К моему приходу довольно просторное помещение комитета было заполнено народом. «Неужели, — подумала я, — все эти люди, недовольные действиями официальной власти, пришли сюда, как принято говорить, «за правдой»?»

За разъяснением я обратилась к председателю комитета **Андрею Владимировичу Бабушкину**. Вот, что я от него услышала:

Андрей БАБУШКИН

1964 год — родился в Подмоскowie

1989 год — окончил МГУ
им. Ломоносова, социолог.

1990—1993 годы — депутат Моссовета.

1993—1996 годы — директор Общества попечителей пенитенциарных учреждений.

С 1996 года — председатель Комитета за гражданские права.

7 декабря 2001 года Комитет за гражданские права был награжден почетным знаком Уполномоченного по правам человека в РФ «За заслуги в области прав человека».

1997 год — издал книгу по истории Отрадного и других районов московского северо-востока.

Автор 17 книг и брошюр.

Участник разработки 18 федеральных законов.

Защитник прав и интересов простых людей более чем в тысяче судебных процессах.

— К нам приходят самые разные люди. Хотя сначала, с сентября 1996 года, мы работали лишь с заключенными и освобожденными, но всегда знали, что поле нашей деятельности со временем может и расширяться. Так оно и вышло. Сейчас мы помогаем и детям, занимаемся правовым просвещением, защитой интересов бездомных, поддерживаем людей, которые стали жертвами государственного произвола.

— И как же у Вас все так гладко получается?

— Почему гладко? Некоторые направления, которыми мы тоже хотели бы заниматься, у нас не прижились. В основном это связано с тем, что мы теряли специалистов, способных работать в этих сферах. Например, в 2000 — 2001 годах комитет активно занимался мониторингом работы судебной системы. Потом мы потеряли финанси-

рование. Через год ушли специалисты, сегодня мы касаемся этих вопросов на чисто любительском уровне.

— Расскажите, пожалуйста, в чем была суть этого мониторинга? Что конкретно вы исследовали?

— Мы выявляли плюсы и минусы нашей судебной системы. Изучали, насколько наши суды доступны. Направлены ли решения, которые в них принимаются, на защиту прав и законных интересов граждан. Насколько, когда сильный и слабый сталкиваются в суде, государство готово защитить права слабого от того, кто имеет больше денег, ресурсов, связей. Как работает в судах «телефонное право»? Зависимы ли суды от исполнительной и законодательной власти? В какой мере общественные организации способны защищать в суде права своих членов, свои собственные публичные интересы? Всего было несколько десятков критериев. В результате мы пришли к выводу, что нынешняя система судов общей юрисдикции находится в состоянии серьезного кризиса. Что она не выполняет тех функций, которые возложены на нее Конституцией России.

— Насколько я поняла, Ваш комитет очень популярен среди населения. У вас реально нет отбоя от посетителей. С чем это связано, ведь вроде бы аналогичной с вами работой заняты и многие другие, в том числе и официальные, государственные структуры? Тот же уполномоченный по правам человека при президенте России, те же суды, народные депутаты, различные партии. Всех и не перечислить.

— То, что мы так популярны, меня отнюдь не радует. Это говорит о том, что в России часто нарушаются права и законные интересы граждан. Сожаление вызывает и то, что количество обращений к нам в несколько десятков раз превышает наши ресурсы, не только финансовые, но и человеческие. Те ресурсы, которыми мы располагаем для оказания поддержки и помощи людям. Сегодня наша организация получает в год около 15 000 писем. Из них 5000 — ответы на

наши запросы. Но 10 000, более 1000 в месяц — просьбы о помощи. Это очень большая нагрузка. Так, аппарат уполномоченного по правам человека, где работает 200 сотрудников, обрабатывает в год до 40 000 обращений. Всего в 4 раза больше, чем мы.

— А сколько у вас сотрудников?

— Непосредственно специалистов, работающих с людьми, 13 человек. Конечно, объем обращений не пропорционален нашим возможностям ...

— Но почему, даже понимая это, люди продолжают к вам обращаться?

— А почему граждане вообще обращаются в правозащитные организации? Причин много, но я остановлюсь лишь на главных. Первое — каждая такая организация имеет определенную «экологическую нишу», каждая выполняет свои функции. Второе, как я уже говорил, — в стране много несправедливости. Брака в работе судов, правоохранительной системе, органах исполнительной власти. Рассмотрение обращений людей в судах часто идет формально. Многие надеются, что участие правозащитных организаций повысит шансы на справедливое рассмотрение их жалобы. До сих пор в большом дефиците грамотная юридическая помощь. При прежней советской системе многие вопросы защиты прав человека решались на политическом уровне, скажем, в парткоме, или просто на уровне морали. Тогда какие-то нравственные правила срабатывали, такие, скажем, как нормы правового регулирования. Современная же Россия пошла, на мой взгляд, по пути слепого копирования американского опыта, когда любой конфликт, даже, грубо говоря, «кто виноват в том, что на мою рубашку пролили чай», переходит из морально-психологической в правовую плоскость, и решается на уровне судебного разбирательства. Это умножает нагрузку, которая падает на юридические структуры. Количество подобных «дел» увеличилось за последнее десятилетие примерно в 15 раз. И, наконец, последняя причина заключается в том, что очень многие правовые институты, которые в

А.В. Бабушкин среди участников конференции по сотрудничеству НКО и учреждений УИС

С сотрудниками.
Фото на память.
1998г.

свое время себя достаточно хорошо зарекомендовали, оказались сломанными. Я назову здесь хотя бы такие, как институт общественного защитника, как возможность для общественной организации в надзорном порядке обжаловать вступивший в законную силу судебный приговор, как «Комитет по делам семьи и молодежи при правительстве России», «Министерство экологии», «Федеральная миграционная служба». А новые структуры набрать их обороты, выйти на их уровень эффективности уже не смогли. В результате еще больше растет нагрузка на благотворительные правозащитные организации и фонды, которые с новыми объемами работ тоже уже не справляются.

Дело в том, что когда мы получаем письмо, мы пытаемся понять, что конкретно можно сделать для этого человека. Как ему помочь. А в большинстве государственных структур работа ведется по несколько иному принципу. Там есть сотрудник, у которого семья, свои интересы, который хочет еще где-то подработать, который устает, должен попить чайку, обсудить с коллегами что-то в курилке. Уже через 2—3 года у такого специалиста вырабатывается иммунитет к человеческой боли, человеческому страданию. Он подсознательно успокаивает себя — «это случилось не со мной». Возникает «синдром врача», работающего в палате для тяжелобольных. У него ежедневно на руках умирают люди, и если он будет переживать смерть каждого пациента, как личную трагедию, он просто не выживет. Сойдет с ума, или умрет сам. Чтобы не сломаться, волевыми усилиями человек черствеет душой. И здесь очень важно чтобы у помогающего людям чиновника был высокий уровень общей культуры, профессионализма, сложилась необходимая этика, чтобы в случаях, когда сознание должно быть «заблокировано», оно блокировалось, а там, где понадобится сочувствие, необходимость потратить личное время, человек был бы готов пойти на эти жертвы. Но, увы, наша система формирования структур государственной службы складывалась так, что морально-этические качества работника были как бы на третьем плане. Поэтому, когда

мы обращаемся, скажем, в ту же прокуратуру, разговариваем с прокурором, перед нами вроде бы нормальный хороший человек. Он читает те же книги, что и мы, слушает ту же музыку, любит те же фильмы, но как только он надевает на себя прокурорский мундир, что-то в его голове «щелкает», и он начинает посылать нам сплошные отписки. Мы ему пишем: «человека без вины осудили, убийца гуляет на свободе. Есть десять свидетелей, которые не были допрошены». А нам отвечают не об убийце, не о свидетелях, нам пишут: «Ваша жалоба проверена, нарушения уголовно-процессуального закона не выявлено, оснований для вынесения прокурорского протеста не предусматривается». Это уже совсем другой понятийный аппарат, другие принципы и механизмы оценки реальности. Мы же пытаемся работать по иному, более приближенному к норме, адекватным принципам. Хотя это тоже не всегда удается, но даже то, что получается, производит на людей определенное впечатление. Они рассказывают о нас своим знакомым. Те — своим. Отсюда такой наплыв обращений.

Вообще правовая реальность гораздо сложнее установленных штампов. Для нас важно, чтобы человек понял меру своей личной ответственности. В то же время мы помогаем и виновным, если видим, что для достижения целей наказания достаточен год, а человеку дали десять.

— Таким образом, Вы часто видите, что человек, который на самом деле и не виноват, всей своей предыдущей жизнью ясно доказывал, что он — преступник?

— Совершенно верно. Против него сработала его репутация. Он всех обманывал, вел асоциальный образ жизни. Конечно, это не основание, чтобы отказывать ему в помощи. И мы таким людям помогаем, но ведь мы организация правозащитная, нас не галочка в отчете интересует! Для нас важно, чтобы, выйдя из тюрьмы, человек через три дня не умер под забором, а хоть как-то вписался в социум. Мы пытаемся помогать этим людям в комплексе, хотя, конечно, сложившаяся в стране система, всеобщее равнодушие, формальная оценка

каких-то действий, не способствует развитию гуманного подхода, который мы пытаемся практиковать.

— Вы по своему роду деятельности вынуждены взаимодействовать с государственными структурами. Какие у Вас складываются отношения? Понимают ли Ваши позиции официальные лица, или Вы находитесь с ними в состоянии жесткой конфронтации?

— В целом мы не находимся с властью ни в состоянии эффективного сотрудничества, ни в состоянии конфронтации. Мир чиновников очень неоднороден. С органами прокуратуры у нас взаимодействие сегодня только усугубляется. Есть проблемы. Правда, нас очень обнадежил новый прокурор Москвы Анатолий Ильич Зуев, неплохие отношения у нас складываются с Управлениями исполнения наказаний (ГУИН) столицы и области, органами образования, некоторыми судебными структурами. Хотя, конечно, мы пока говорим с ними на разных языках. Вот, приведу пример с генеральным прокурором России: в 2001 году президент Путин провел в Кремле встречу с неправительственными общественными организациями. И всем чиновникам сказали, что надо «взаимодействовать с правозащитниками». Те ответили, «надо, значит, будем взаимодействовать». И буквально через полгода, в мае 2002 года нас к себе пригласил Генеральный прокурор России Устинов. Два часа мы с ним вели переговоры. Договорились об определенных вещах. Мы свои договоренности полностью выполнили, а он? Да, в декабре 2002 года генеральный прокурор выпустил указание о необходимости взаимодействия с правозащитными организациями. Но такого взаимодействия нет до сих пор, как и прежде не было. Нам говорят, нас всего 60 тысяч работников прокуратуры на всю 150-миллионную Россию. Но мы им отвечаем, смотрите, как вас много, 60 тысяч довольно неплохо оплачиваемых государственных чиновников, от которых во многом зависит будущее страны.

— Простите, а кто оплачивает Вашу деятельность, если только это не коммерческая тайна?

— Почему тайна! Есть такой Кид «Фонд Маккартуров» в США, он в основном нам и помогает. Еще правительство Москвы. Правительство Швейцарии. Английская неправительственная организация «Партнерство в надежде». Кроме того, часть средств зарабатываем мы сами. Мы вынуждены это делать, потому что каждую минуту нам угрожают возможностью прекращения нашей работы по банальной причине отсутствия денег.

— А как Вам удалось получить и сохранить это помещение, ведь недвижимость в столице, даже ее аренда, стоит недешево?

— Здесь нам очень помогла Независимая организация «Гражданское общество», председатель ее правления Сергей Александрович Абакумов. Благодаря его вмешательству, мы остались «живы и здоровы». Он сумел решить вопрос с арендой политическими методами, и в результате мы остались здесь и можем работать. Так же нам пошло на встречу Москомимущество. Мы не платим такую бешеную аренду, как правозащитники, сидящие, скажем, в центре города.

— Как я понял, Вы давно сотрудничаете с Независимой организацией «Гражданское общество», какое у Вас сложилось мнение об ее работе? И вообще, как обстоит дело с гражданским обществом в России?

— Гражданского общества ни в какой, даже самой тоталитарной стране, при любом режиме не быть просто не может. Правда оно может существовать в зачаточном состоянии. Местом нашего гражданского общества в 70-е годы были кухни. Сказать, что это был «придаток государства», я не могу. Там были совершенно независимые, устойчивые группы людей. Их было немного. Они не очень сильно влияли на ситуацию, но они были. Тем более, гражданское об-

щество есть и в современной России. Если говорить о «Гражданском обществе», как независимой неправительственной организации, то это очень эффективно действующая современная структура, которая выявляет базовые проблемы, «базовых» людей и работает с этими людьми и проблемами. Не только мы, но и многие другие общественные организации получают в «Гражданском обществе» необходимую помощь и поддержку.

— В чем особенность гражданского общества в России? Почему мы и сегодня не всегда ощущаем его присутствие?

— Особенность гражданского общества в России в том, что у нас оно аморфно. В этом и его сила, и его слабость. Благодаря аморфности, оно, как это ни странно, быстро реагирует на требование ситуации, способно динамично действовать и развиваться. Но из-за этой же аморфности наше гражданское общество очень слабо структурировано, лишено возможности выработать единую позицию по значимым для него проблемам.

— Возможно ли, на Ваш взгляд, хоть как-то переломить ситуацию?

— Я думаю, что гражданское общество, сильное, организованное, способное стать самостоятельным и равноправным партнером власти — удел тех стран, где есть средний класс. Эти люди, живущие реальной жизнью, понимают, сколько стоит литр бензина, проезд в метро, знают, почему старушка собирает милостыню именно в этом месте, а не в ста метрах дальше. Кроме знания и понимания жизни представители среднего класса имеют некоторые накопления, свои собственные ресурсы, и им не надо каждый вечер думать о том, где завтра взять денег на кусок хлеба. Они, когда им надо, могут взять несколько дней отпуска, чтобы поехать на интересующую их конференцию, идти выпол-

нять волонтерскую работу, лоббировать у властей интересы своей группы. У нас главная проблема нашего гражданского общества в том, что нормальные, активные люди вынуждены выбирать, кем им быть, гражданами или отцами. Или ты неделю занимаешься защитой демократии в России, или ты — отец, и эту неделю зарабатываешь деньги на образование своего ребенка. И каждый такой выбор — это нравственный выбор, но сочетать и то и другое людям, как правило, просто не удается. И в этом одна из причин слабости и аморфности нашего правозащитного движения.

— Но ведь наши люди крайне слабо защищены социально. Даже нормально работающий человек, получающий хорошие деньги не имеет никакой реальной гарантии и поддержки, скажем, в случае потери здоровья. Поэтому многие работают «избыточно». Отказывая себе не только в общественной деятельности, но и в элементарном отдыхе.

— Мы должны понимать, что там, где есть сильное гражданское общество, многие социальные проблемы нормально отрегулированы. Там сложнее потерять работу. Для этого должен произойти уж очень сильный кризис, или надо быть уж очень большим лентяем и лоботрясом. Само по себе существование «двойника власти», который говорит, например, что принятый закон плох потому-то и потому-то, когда правительство утверждает, что он, этот закон, вполне хорош, позволяет создавать в стране правовое и социально-правовое поле. Но отличие гражданского общества в том, что критикуются новые законы не потому, что кто-то метит, скажем, на место президента, а потому что эти законы действительно людей не устраивают. Где политика не перерастает в политиканство. Где нет задачи любой ценой проваться к кормушке. И даже, если зада-

Оглашение резолюции на митинге московского Народного фронта в Лужниках. 1999г. Справа — О.Г. Румянцев, будущий секретарь Конституционного комитета комиссии Верховного Совета РСФСР

ча прийти к власти и есть, она не становится самоцелью.

— **Насколько я поняла, Ваша организация с момента своего возникновения помогает людям, обладающим пониженной правовой защищенностью. Как же тогда Вы защищаете права среднего класса, на помощь которого так уповаете?**

— Мы поставили себе задачу способствовать увеличению степени справедливости общества. Нашим продуктом является соответствие между целями, которые ставит власть, общество, человек и теми способами, которыми эти цели достигаются. Несправедливость нашего общества в том, что цели могут быть вполне благими, как в 1990-е годы, — демократия, рынок, — но средства, которыми эти идеалы достигались, привели либо к противоположному результату, либо к результату, лежащему в другой плоскости. «Хотел купить два трактора, а хватило на полмешка картошки». Хотели всеобщего процветания — получили глубочайшее расслоение. Поэтому, мы и не позиционируем себя, как людей, которые занимаются только слабыми и пытаются противопоставить их сильным, реально приходится работать со всеми обращениями. Вот нам многие говорят: почему вы занимаетесь преступниками, а не их жертвами? Обвиняемыми, а не потерпевшими? Почему проявляете интерес к террористам?

— **В плане борьбы с террористами?**

— В плане борьбы с террористами, выявлению корней этой общей беды. Ведь в чем причины возникновения терроризма? Люди не знают других способов отстаивания своих интересов. А те, кто эти способы знают, эксплуатируют подобную неосведомленность. Мы исходим из того, что может существовать государственная политика провоцирования терроризма.

— **Зачем государству провоцировать терроризм, ведь террористы**

борются с самим государством? Я не улавливаю логики...

— А зачем государство провоцирует, скажем, инфляцию? Оно что, это делает нарочно? Конечно, нет. Просто непрофессионализм высших государственных менеджеров приводит к непредсказуемым и незапланированным последствиям. То же и с террористами, государство знает, что в Чечне есть боевики. И с благой целью их ликвидации там проводится зачистка. Но участвует в ней 19-летний паренек, который на гражданке, до призыва в армию, привык все свои проблемы решать при помощи кулака. Но этого никто из военных чиновников не учитывает. И вот, когда подобный вчерашний проблемный подросток приходит в чеченский дом, там возникает конфликт. Не политический, не религиозный, а просто парень, который еще вчера был хулиганом, налетает на убоженного сединами старика, который полвека назад защищал нашу советскую Родину, — а парень этот даже не помнит, когда была Великая Отечественная война, — и бьет этого ветерана прикладом автомата. Происходит такое раз, второй, третий, а завтра не только этот старик, который до того вполне лояльно относился к федеральной власти, но и вся его многочисленная родня становятся врагами этой власти. Можно избежать такого поворота событий? Да, и легко! Необходимо было лишь внимательно рассмотреть личное дело солдата, обеспечить реальную ответственность за нарушение прав мирного населения. Таким образом, государство, которое не умеет конфликтные ситуации отслеживать и предотвращать, может спровоцировать терроризм, что мы во многих странах мира и наблюдаем. Я сам встречал людей, ставших террористами не в силу своих собственных убеждений, а из-за ошибок и обид, допущенных по отношению к ним федеральными войсками, которые были амнистированы. Всякая деятельность государства должна быть адекватной, нельзя бо-

роться со злом методами этого зла, особенно если не исчерпаны другие способы решения проблемы.

Взять хотя бы то, что мы наблюдаем у себя дома. Милиция ходит по Москве и отлавливает людей с темным цветом кожи, проверяет у них документы. А что, террорист не может иметь добротного изготовленного паспорта? Не просто может, но и имеет. И что, в паспорте написано, что он террорист? Смешно и глупо! Но и опасно. Для детей наших в первую очередь!

— **Для детей?**

— Конечно. Взять тех же учителей, они привыкли сеять разумное, доброе, вечное, прививать ребятам самые гуманные принципы устройства жизни. Но при этом сами педагоги не учитывают, что по улице бродят милиционеры, которые ловят «черных», что в метро гремят взрывы, что слово «чеченец», благодаря некоторым политикам и СМИ, становится синонимом «террорист». А дети все это слышат и десять ребят из школы решают «отомстить за все чеченцам». И они, эти дети, приходят к скинхедам, которые объясняют им, что плохие, оказываются, не только чеченцы, но и армяне, грузины, азербайджанцы, негры. И ребята идут «бороться за справедливость», ловят человека, который, возможно, всю жизнь прожил в Москве, строил те самые дома, в которых живут семьи этих детей, избивают его и, к примеру, отнимают часы. В результате садятся на скамью подсудимых за особо тяжкое преступление — разбой, а государство в данном случае провоцирует терроризм руками детей.

— **И что же делать? Как с этим бороться? Неужели не сажать? Не наказывать?**

— Тут необходима в первую очередь профилактика. Мы, к примеру, начали заниматься со школами, даже расположенными в благополучных районах, ученики которых замечены в националистических правонарушениях. Проводим правовой ликбез среди учащихся. Рассказываем им об элементарных нормах человеческих отношений.

— **Я знаю, что Вы работаете и с беспризорными детьми?**

— Да. Наши волонтеры часто дежурят на вокзалах. Мы выявляем детей, покинувших социально благоприятную среду.

— **И отправляете их в приюты?**

— Почему же обязательно в приюты. Часто беспризорных ребят очень любят и ждут дома.

— **Как такое может быть, ведь из нормальных семей не убегают?**

— Кто вам это сказал?

— **Сами дети.**

— Часто бывает так, ребенок говорит: убежал, потому что родители избивали, не кормили. Мать — проститутка, отец — алкоголик, тунеядец, зэк с тридцатилетним тюремным стажем. Наводишь справки и оказывается, что мама —

А. Бабушкин в поездке с болгарской правозащитницей по нашим СИЗО

А.В. Бабушкин
с коллегами-
правозащитниками
Л.С. Левинсоном
и М.С. Гольдманом

заместитель директора школы, отец — депутат районного собрания. Привозим, возвращаем. Родители с плачем кидаются к своему чаду: детка, ты, где был? У мамы — седые волосы, у отца — прединфарктное состояние. Ребенок со слезами просит прощения. Оказывается у него «синдром бродяжничества», плюс токсикомания. И врет он при этом так, рассказывая вам о том, почему ушел из дома, что хочется бежать в прокуратуру, лишать отца и маму родительских прав, и вообще всячески наказывать. И таких случаев примерно 30—50 процентов. Но встречаются и семьи садистов, и очень плохие интернаты, откуда детей надо спасать. Мы стараемся. Спасаем. Отправляем в нарушение закона в московские приюты, про которые знаем, что там не обидят. Вообще и тут все очень индивидуально, по-разному происходит.

— И всю эту работу у Вас выполняют 13 сотрудников?

— С детьми у нас работает два сотрудника, плюс пять волонтеров. Прежде, когда мы имели финансирование, у нас было больше возможностей. Мы сотрудничаем с другими организациями, помогающими детям. Так, городской центр «Дети улиц» два раза помогал нам в организации лагеря отдыха для беспризорных детей на территории Нижегородской области. Это был очень интересный опыт, дети получали духовную поддержку на базе православного паломнического центра Дивеево. Результаты нас обнадежили. Значительная часть детей обрела опору в вере.

— А почему лично Вы пришли в правозащитную деятельность? Ваши права нарушались?

— Нет, просто я был учителем, депутатом Моссовета, до этого занимался комсомольской работой. И видел, как нарушения прав людей ломали их судьбы. Понимал, что если бы в стране установилась справедливость, многие из моих учеников и друзей имели бы более достойное будущее.

— А что, они были ни в чем не виновны?

— Конечно, виновны. Я уже говорил, что пострадать совсем безвинно очень не просто. Но давайте разберемся в степени этой вины. Один ребенок напал с ножом на другого, отнял мобильник. Кто виноват? Ответ лежит на поверхности, конечно, напавший. Но при этом, где-то виноваты и СМИ, где-то — учителя, семья, социальное окружение. Я хочу сказать, что все мы хоть чуть-чуть да виноваты. А надо сделать так, чтобы понять, как разобрать ситуацию так, чтобы обвиняемый видел все глазами пострадавшего, а последний не озлобился бы на весь мир и хоть в какой-то степени вошел бы в положение своего обидчика. А то, как у нас делают: собирают все данные, «несовершеннолетний, прежде не судимый, характеристики хорошие, преступление тяжкое — все, три года семь месяцев». И формально не придерешься. Все сделано по закону.

— Какое у Вас отношение к современному законодательству? Участвовали ли Вы в разработке действующего Уголовного кодекса?

— В изменениях уголовного законодательства, принятого 8 декабря 2003 года, есть 17 наших поправок. Мы работали с СПС, «Яблоком», коммунистами, даже немного с ЛДПР. Сам я член партии «Яблоко». Но вообще у меня есть убеждение, что в каждой партии есть порядочные люди, с которыми можно сотрудничать. Везде есть своя «правозащитная составляющая», которая зачастую, оказывается сильнее, чем межпартийные разногласия.

— Как Вы думаете, какое будущее для правозащитных организаций в России?

— Оптимальное решение для России — включение страны в Европу, с учетом нашего этноазиатского компонента.

— Разъясните, пожалуйста...

— Есть целый ряд критериев, делающих нас азиатской страной. Это не только примерно 15 процентов населения, исповедующего ислам, но и протяженность границ, огромные незаселенные пространства, ряд особенностей

истории, культуры, психологии. Но в России сейчас есть очень благоприятные тенденции: сложилась элита, и не только политическая, а элита в бизнесе, в общественных организациях, литературная элита, журналистская, научная. Это группа людей, их немного, 10—12 процентов жителей, определяющих психологический климат в обществе. Эта элита может ошибаться, делать глупости, но в нее входят люди, которые не просто хотят утвердиться сами, они связывают свое будущее с улучшением ситуации в России.

Негативным моментом является то, что мы упустили очень много возможностей, которые открылись перед нами в 1990-е годы. Хотя сегодня мы понимаем, что не все так просто. Даже то, что мы не скатились к гражданской войне, это уже большая удача. А что касается будущего правозащитного движения, тут может быть очень много вариантов. Правозащитники могут вновь стать диссидентами, перебравшись на кухни и в подвалы. Так будет, если страна пойдет по пути построения репрессивного государства, даже демократического по форме с красивым европейским фасадом, но тоталитарного по содержанию. Но мне хочется верить, что между властью и правозащитниками будут устанавливаться конструктивные отношения, происходить кадровый обмен, когда какое-то количество правозащитников придет во власть, потом вновь возвратится к прежней деятельности. Одновременно, какое-то количество людей из власти придут в правозащиту. Будет происходить и конвергенция идей. Это очень естественно. Подобная модель работает во всем мире.

— Теперь, в конце нашего разговора, расскажите немного о себе. Есть ли у Вас какое-то хобби, как Вы проводите свое свободное время?

— Хобби..., даже не знаю, что и ответить. Я люблю познавать мир, встречаться с разными людьми, обожаю путешествовать. Единственно, чего всегда не хватает, так это времени.

Беседовала Елена ГРИГОРЬЕВА